

83.3(2=411.2)5-8

K57

СА-399638

♦ АНТОЛОГИЯ МЫСЛИ ♦

П. С. Коган

А. П. ЧЕХОВ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

1872—1932

863066-40
СА-300038

П. С. Коган

А П ЧЕХОВ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Москва • Юрайт • 2023
Государственное бюджетное
учреждение культуры

«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Оглавление

Глава I	7
Глава II	10
Глава III.....	12
Глава IV	15
Глава V	19
Глава VI	23
Глава VII.....	26
Глава VIII.....	30
Глава IX	34
Глава X	37
Глава XI	41
Глава XII.....	45
Глава XIII.....	48
Глава XIV.....	51
Глава XV	55
Глава XVI.....	58
Глава XVII.....	62
Глава XVIII	65
Глава XIX.....	69
Глава XX.....	72

Глава I

В октябре 1889 г. Чехов писал Плещееву: «Я боюсь тех, кто между строк ищет тенденции, и кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором. Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником — и только, и жалею, что бог не дал мне силы, чтобы быть им. Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах, и мне одинаково противны как секретари консисторий, так и Нотович с Градовским. Фарисейство, тушование и произвол царят не в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Потому я одинаково не питаю особого пристрастия ни к жандармам, ни к мясникам, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи. Фирму и ярлык я считаю предрассудком. Мое святое святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода, свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником».

Чехову было двадцать девять лет, когда он писал эти строки. В последующие годы он несколько изменил свои взгляды, но настроение, выраженное здесь, осталось господствующим его умонастроением в течение всей жизни. Оно же окрашивало собою в том или другом виде эпоху, которая известна под именем «восьмидесятых годов». Чехов назвал этот краткий перечень своих воззрений «программой». Но положительного в этой программе почти ничего нет, она состоит преимущественно из отрицаний. Мы узнаем, что Чехов не либерал, не консерватор, не постепеновец, что он не любит ни жандармов, ни ученых, ни писателей и т. д. Это — первое, что характерно и для Чехова, и для литературы восьмидесятых годов. Чувство глубокой неудовлетворенности окружающей действительностью, отсутствие увлекательных, захватывающих стремлений во всех слоях общества, серые будни в литературе и науке, а главное — беспросветная обывательщина, мещанское болото, в котором вязнет всякое вдохновение, всякий порыв к красоте.

Глава II

В чем же заключались основные тенденции этой эпохи, и каким на фоне этих тенденций вырисовывается общественный облик Чехова?

Четверть века, отделяющая смерть Александра II от 1905 года, те двадцать пять лет, с которыми совпадает время сознательной жизни Чехова, часто называют победоносцевским периодом, и действительно — имя Победоносцева, этого убежденного реакционера, вполне пристало к одной из самых мрачных эпох в истории России. Закрытие «Отечественных записок» последовало в 1884 г. Представители старого героического народничества либо были сосланы, либо заточены в тюрьмы. Уцелевшие продолжали отстаивать идеалы народничества, но идеалы эти потускнели не только благодаря свирепствовавшей цензуре, но и потому, что вера в крестьянство была обманута, и русский мужик не пошел вслед за народнической интеллигенцией. Разорение крестьянства, эксплуатация его помещиками и учреждение института земских начальников, которое явилось до известной степени восстановлением крепостного права, совпадает с необычайно быстрым ростом промышленности. В то время как крестьянство в качестве революционной силы потеряло свое обаяние в глазах интеллигенции, рабочий класс постепенно выдвигается на сцену, заявляя о себе крупными стачками уже в восьмидесятых годах. В следующем десятилетии волна забастовок прокатилась по всей стране, вовлекая десятки тысяч рабочих. В мае 1896 г. вспыхнула грандиозная стачка в Петербурге, насчитывавшая около тридцати тысяч участников. Середина девяностых годов отмечена появлением ряда марксистских исследований («Критические заметки» Струве, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханова, выступления Ленина) и марксистских журналов («Новое слово», «Начало»). Но для того времени, когда началась литературная деятельность Чехова, когда определилось ее направление, марксизм был еще бу-

Глава III

Этот же общественный индифферентизм завоевывал себе господствующие позиции и в поэзии, где в середине восьмидесятых годов были нанесены первые серьезные удары традициям, установившимся со времен Белинского, Добролюбова, Чернышевского и Писарева, культу гражданской литературы. В 1884 г. в киевской газете «Заря Востока» Ясинский писал: «Цель искусства заключается вовсе не в том, чтобы учить, а в том, чтобы сделать людей счастливыми, доставляя им одно из самых высоких наслаждений...» «Требовать от поэзии чего-либо кроме эстетического наслаждения, — писал там же Минский, — это все равно, что требовать от глаза, чтобы он не только смотрел, но и слышал или обонял. Наука раскрывает законы природы, искусство творит новую природу. Творчество существует только в искусстве, и только одно творчество доставляет эстетическое наслаждение». Иные впадали в полное отчаянье. Самый популярный поэт-восьмидесятник Надсон пел: «Облетели цветы, догорели огни, непроглядная ночь, как могила, темна». Иные наслаждались чистыми звуками, музыкальными переливами стихов, изгнали из поэзии всякую мысль и всякое содержание и подобно Фофанову, повествовали о том, как «звезды ясные, звезды прекрасные нашептали цветам сказки чудные», как «земля под весенними ласками, наряжая тканью зеленою, переполнила звездными сказками мою душу безумно влюбленную».

Те, кто не довольствовался чистым созерцанием, эстетическими бирюльками и нравственным самоусовершенствованием, в ком не заглохли действенные силы и общественные инстинкты, нашли выход в теории «малых дел». Она была линией наименьшего сопротивления, она оставляла известный простор оптимизму, освобождала от усилий и, может быть, ярче всего освещала господствующий в обществе пассивизм. Когда беспринципная «Неделя» убеждала своих читателей в том, что в окружающей жизни нет ничего мрачного, что люди дела

Глава IV

Так, друг против друга стояли два мира представителей. С одной стороны — толстовство, эстетизм, религиозные и философские общества, общественное кустарничество, «малые дела», если и существовали стремления более высокого социального порядка, то выражением их служило умирающее народничество. С другой стороны — мощный подъем общественного настроения, растущая промышленность и растущие социалистические идеи, марксистское материалистическое миропонимание, новые взгляды на литературу. Чехов до конца жизни остался чужд новым настроениям. Он был неисправимым восьмидесятником. Рабочее движение осталось вне его художественного восприятия. В крестьянство он не верил. Ни народник, ни марксист. Он стал выразителем бессильных стремлений, грустных будней и «малых дел» интеллигенции бескрылой эпохи, лежавшей между двумя могучими течениями русской революционной мысли. Чехов был близок к индивидуалистическим направлениям мысли своего времени, — но он был органически враждебен устремлениям коллективистским, какой бы то ни было групповой или партийной дисциплине.

Он не чужд был некоторым сторонам толстовства. В письме М. О. Меньшикову (28 января 1900 г.) по поводу болезни Толстого он пишет: «Болезнь его испугала меня и держала в напряжении. Я боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место. Во-первых, я ни одного человека не любил так, как его; я человек неверующий, но из всех вер считаю наиболее близкой и подходящей для себя именно его веру». Правда, и в Толстом он ценил не сущность его учения, не его отрицание науки и культуры. Чехов подходил к нему тоже как-то эстетически: «Толстой стоит крепко, авторитет у него громадный, и пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякие шершавые, озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**